

- конференции – вып. 1. Симферополь, 1991.
24. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.
25. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
26. Скржинская М.В. Античные писатели о Северном Причерноморье. Николаев, 1997.
27. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
28. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
29. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
30. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
31. Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев, 1997.
32. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1989.
33. Harmatta S. Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950.

К. Arzhanov

THE TACTIC AND STRATEGY OF DEFENSE OF THE LATE-SCYTHIAN

Abstract. The article examines principles of tactics and strategy of defense of the Crimean Scythia based on a complex study of the systems defense of the late-Scythian fortifications of the fortified of the North-Western Crimea. An analysis is made of some aspects of the historical geography and of main stages of its military history.

Key words: tactic, fortification, defense, late –Scythia, sarmatian, Bosphorus kingdom.

Новейшая история зарубежных стран

УДК 929 Сукарно

Воронин С.А.

СУКАРНО. ОРЁЛ, ПАРЯЩИЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ*

Аннотация. Идеализация патриархальных устоев, синкретизм взглядов, утопизм, ощущение мессианской богоизбранности, персонификация государства в личности лидера – вот столпы политического лидерства Сукарно, под руководством которого Индонезия стала независимым государством.

Ключевые слова: Сукарно, Тантулар, мархаэнизм, индонезийский социализм, космическая энергия, Рату Адил.

«Это утки сбиваются в стаи, а орёл парит в одиночестве», – заявлял Сукарно в интервью Синди Адамс¹. Эти слова стали для него пророческими. К середине 60-х г. Сукарно оказался в полной изоляции. Его лидерство стало властью яванского монарха, лишённого социальной базы и политических сторонников. Однако ошибки и заблуждения Сукарно не способны затмить главное. Ему удалось создать единое многонациональное и поликонфессиональное государство, в котором проживало свыше 90% мусульман и 10% составляли христиане, индуисты и анимисты. Спецификой религиозной ситуации в Индонезии являлось то, что эти 10% не были растворены в общей массе населения, а были

представлены целыми этническими общностями. Таким образом, здесь имело и имеет место переплетение религиозных различий с этническими². Этот синкретизм является пульсирующей основой для конфликтов в Индонезии.

В основу политической философии деятельности Сукарно был положен принцип «Единство в многообразии», впервые сформулированный в XIV в. поэтом Мпу Тантуларом, жившим во времена империи Маджапахит³. Сукарно последовательно выступал против создания в Индонезии теократического государства, понимая, что религиозное доминирование ислама – путь к конфликту в обществе. Единство всех народностей Архипелага вне зависимости от их религиозных убеждений – главная цель политической деятельности индонезийского лидера.

Ахмед Сукарно родился в Сурабае на о. Ява 6 июня 1901 года. Две шестёрки предвещали счастливую жизнь и удачу. Родившийся на заре считался избранником судьбы⁴. Синкретизм его религиозности закладывался с детства. Его отец был мусульманином, работал учителем. Мать – индуистка, дочь брахмана, прислуживала в индуистском храме. Ребёнку дали имя Кусно. Мальчик рос болез-

* © Воронин С.А.

ненным ребёнком. Отец нашёл объяснение этому в том, что ему при рождении избрали неудачное имя. Родители решили дать ему новое имя, символизирующее начало новой жизни – Карно – имя героя легендарного эпоса «Махабхараты», смелого воина и патриота. К этому имени добавили префикс превосходной степени «Су», означающий «лучший»⁵. Сукарно воспитывался в условиях религиозной толерантности и традиционной патриархальности. Флер народного эпоса витал над его детскими увлечениями.

Окончив начальную школу в Моджокерто, в 1916 г. он поступил в среднюю школу в Сурабае⁶. Там Сукарно поселился у лидера «Сарекат ислама» Чокроаминото, влияние которого в это время было очень велико, и с которым лично был знаком отец Сукарно. Лидер «Сарекат ислама» стал идеалом для юного Сукарно. Чокроаминото оказал значительное влияние на становление личности будущего индонезийского лидера. Он принадлежал к суперинтеллектуалам того времени. Чокроаминото знал голландский, немецкий, английский, французский языки, писал акварелью, обладал феноменальной памятью⁷.

В школьном дискуссионном клубе состоялось первое политическое выступление Сукарно. 16-летний Сукарно подготовил речь на яванском языке. При первых же словах председатель прервал его выступление, заметив, что все выступающие обязаны говорить на голландском. В ответ он услышал резкую отповедь юного Сукарно: «Мы должны знать наш родной язык. Голландцы – люди другой расы, их страна находится за тысячи километров от нас. Да и говорят-то по-голландски всего шесть миллионов человек. Почему мы обязаны говорить именно по-голландски?»⁸.

В это время Сукарно активно занимается самообразованием, много времени проводит в библиотеке теософского общества. Он познакомился с взглядами Т.Джефферсона, Дж.Вашингтона, А.Линкольна⁹. Сукарно становится публичным публиком, выступая перед массами.

В 1921 г. он закончил среднюю школу, будучи уже известным молодым политиком и поступил в Технологический институт в Бандунге. В 1926 году Сукарно получил диплом инженера-строителя. Однако по специальности работать он не стал, так как ему претила карьера колониального чиновника. Сукарно стал учителем в школе. Его уроки стали открытым призывом к борьбе за независимость и обличением пороков колониальной системы. Как-то на его урок пришел дирек-

тор департамента. Как образно пишут авторы биографии Сукарно – известные востоковеды М.С.Капица и Н.П.Малетин: «Звонок прервал пламенную тираду Сукарно и его карьеру учителя»¹⁰. Сукарно полностью погрузился в революционную деятельность, основав в Бандунге Всеобщий исследовательский клуб. В июле 1927 г. на его основе была сформирована новая организация – Национальный союз Индонезии, позднее переименованный в НПИ (Национальную партию Индонезии). Программными требованиями партии стали несотрудничество с колониальной администрацией, единство национального движения, опора на «конструктивные действия» массового движения (создание школ и больниц, организация профсоюзов и т.д.)¹¹.

В декабре 1929 г. было арестовано около ста активистов НПИ. В 1930 г. состоялся суд над председателем партии Сукарно и его тремя соратниками¹².

На судебном процессе Сукарно выступил со своей знаменитой речью «Индонезия обвиняет», в которой он вскрывал пороки голландского колониализма и говорил об исторической неизбежности национализма и освободительного движения. В речи на суде Сукарно приводил цитаты из 80 западных авторов и 10 восточных¹³. Годы, проведенные в доме Чокроаминото и стремление к самообразованию сделали свое дело. Сукарно в конце 20-х - начале 30-х гг. — светский политик с широкими взглядами и мировоззренческими оценками. Он владел индонезийским и яванским языками. Свободно изъяснялся на английском, голландском, французском и немецком языках. В 35 статьях, написанных Сукарно в этот период и вошедших в сборник «Под знаменем революции», упоминается 150 западных и американских общественных деятелей и ученых и 70 афро-азиатских теологов и ученых¹⁴. Приведенная статистика свидетельствует не только о высоком интеллектуальном и образовательном уровне индонезийского лидера, но и характеризует уровень общественного развития в стране. В последнее десятилетие перед Второй мировой войной ислам перестал быть авангардом политической авансцены Индонезии. Национально-освободительное движение стали возглавлять политические деятели, придерживающиеся светских разносторонних взглядов. И массы готовы были воспринимать их идеологию.

Именно в эти годы Сукарно начал разрабатывать свою идеологическую доктрину радикального национализма, включающую

элементы народного утопического социализма. Ею стало учение мархаэнизма, получившее свое наименование от распространенного среди простолюдинов Западной Явы имени Мархаэн (Умар Хайэн). Исходя из своего названия, учение должно было выражать интересы простого народа, трудящихся, низов (мархаэнов). Концепция мархаэнизма стала программной основой НПИ (1927-1931) и Партии Индонезии (Партиндо) (1931-1936)¹⁵.

Впервые понятие «мархаэнизм» прозвучало в речи Сукарно на судебном процессе 1930 г. Изначально он употребил термин «кромозм» - от распространенного среди яванцев имени Кромоз¹⁶.

В основе концепции мархаэнизма лежала апелляция к великому историческому прошлому, наследником которого являлась Индонезия. Патриархально-общинные нормы и ценности эгалитарно-традиционного сознания умело использовались Сукарно для установления контакта с массами, поскольку опора на легендарное прошлое и понятные ментальные установки облакали идеи Сукарно в доступные массовому традиционному сознанию образы.

Оживление духа великих средневековых империй было необходимым для Сукарно инструментом пробуждения национального самосознания, ликвидации туземного комплекса неполноценности и внушение уверенности в собственных силах и возможностях¹⁷.

Главным условием для создания новой общественной модели являлось достижение независимости. Борьба с колонизаторами должна была носить ненасильственный характер и проходить в форме несотрудничества. Для этого необходимо было разбудить «национальный дух», который трансформируется в «национальную волю», которая реализуется в «национальном действии»¹⁸.

Фундаментом мархаэнизма стал принцип единства всех антиколониальных сил как единство политическое и идеологическое; как единство национальное и государственное; как единство социальное, т.е. стратификационная консолидация в борьбе против колониализма. К 1926 году Сукарно сгенерировал идею единства и сотрудничества трех ведущих политических течений Индонезии – националистического, религиозного и коммунистического¹⁹.

Парадигмой идеологического эклектизма концепции Сукарно было единство. Он пытался подогнать, порой исказить марксизм и ислам, загоняя их в прокрустово ложе нацио-

нализма. Как отмечает В.А.Цыганов: «Именно единство есть альфа и омега политической идеологии индонезийского революционного демократа. Это и её отправная точка («единство мархаэнов»), и стратегия продвижения к идеалу («всеобщая общенародная революция»), и – в перспективе сам этот идеал («индонезийский социализм»). Но, как оказалось, это и узилище, тупик, куда привел себя великий индонезийский лидер, заложник собственной идеи»²⁰.

Сукарно выступал против классовой борьбы до завоевания независимости, настаивая на том, что, учитывая индонезийскую специфику, главными являются не социальные, а национальные противоречия. В начале 30-х гг. Сукарно изложил свою концепцию о «национализме мархаэнов» или о соционационализме как основном оружии борьбы за независимость. После достижения идеала – независимости соционационализм утрачивает свою интерьерную функцию, сохраняя внешнюю, экстерьерную в борьбе с мировым империализмом. Внутри страны соционационализм трансформируется в социодемократию с целью создания справедливой общественной модели для всех слоев населения²¹. В эти годы впервые из уст Сукарно звучит критика западной демократии, как не обеспечивающей истинные права и свободы для всех членов общества. Индонезийская модель социодемократии исправит, по мнению Сукарно, этот недостаток.

Мархаэнизм и его поздняя модификация — «индонезийский социализм» базировались на коллективистских, эгалитарных традициях. К традиционным индонезийским идеям относятся три понятия, активно включенные в политическую лексику Сукарно в 30-е гг. XX века.

1. Готонг-ройонг – взаимопомощь в ходе общественных работ, солидарность коллектива сельской и родовой общины, взаимная ответственность членов коллектива по отношению друг к другу и к общине в целом.

2. Мушаварах – совместное обсуждение возникающих проблем.

3. Муфакат – единодушное решение, имеющее компромиссный характер, принятое в ходе мушавараха²².

Политический гений Сукарно выразился в том, что он, блестяще владея психологией масс, подчас манипулируя общественным мнением, сумел расставить акценты на тех элементах политической культуры индонезийцев, которые сделали возможным процесс нациестроительства после обретения незави-

симости. В центре социально-политической модели Сукарно был поставлен «простой человек..., имеющий лишь столько, сколько необходимо ему самому. Никто не эксплуатирует никого. Никто не работает на другого»²³. Лидер, наделенный космической энергией и авторитетом, выступает в традиционной для Востока роли патрона, главы племени, рода, семьи. Сукарно писал: «Для нас лидер государства ничем не отличается от главы семьи. В соответствии с предписаниями ислама. Отец принимает решения за членов всей семьи, староста управляет деревней. Этот обычай существует издавна»²⁴. Стремясь к конвергенции культур, пытаюсь синтезировать западное знание и восточную традицию в вопросах управления, осуществления политической власти, Сукарно выступал за консервацию существующих в Индонезии взаимоотношений между массой и лидером. А.Ю.Другов замечает: «У Сукарно и его сподвижников неизменно присутствует идея народного суверенитета, но народ выступает как некое нерасчленённое единство. От его имени в соответствии с древней традицией выступает лидер, наделенной неоспоримыми полномочиями выступать в роли выразителя чаяний своих сограждан»²⁵. В этот период закладывались основы авторитарно-патриархального лидерства Сукарно, позволяющие ему спустя 20 лет делать заявления в духе французского монарха Людовика XIV: «Встретиться со мной — всё равно, что встретиться с Индонезией»²⁶.

Три элемента мархаэнизма особенно активно вошли в политическую практику в период независимости. Сукарно опирался на них, противопоставляя социодемократию Индонезии западному стандарту. Он рассматривал принцип муфакат как тождество демократическим ценностям, модифицированным для перенесения на индонезийскую почву.

Речи и выступления Сукарно всегда были образны и предельно насыщены персонажами индо-яванского эпоса и мифологии. Он стремился говорить с толпой на понятном ей языке. Любая его доктрина получала символично-традиционное оформление²⁷. Мессианские надежды яванцев на пришествие Рату Адила были плотно инкорпорированы в политическое лидерство Сукарно. Он заявлял, как бы оправдывая свой султанский стиль и образ жизни: «Они хотят видеть героическую фигуру, и я её им даю»²⁸.

Главным в учении мархаэнизма как модераторе национально-освободительного дви-

жения было акцентирование общеиндонезийских задач нацистроительства и борьбы за независимость при снятии религиозных и этнических противоречий. Концепцией Сукарно, на наш взгляд, стала формула: «Сначала нация, потом религия».

Японская оккупация Индонезии с 1942 по 1945 годы оказала значительное воздействие на политическую судьбу Сукарно, открыв очередной раунд борьбы между светскими националистами и исламистами. Начало в сентябре 1939 года Второй мировой войны актуализировало роль Индонезии как источника стратегического сырья (олова, нефти, каучука). В этой связи в конце 30-х — начале 40-х гг. Япония недвусмысленно обозначила свои экспансионистские амбиции по захвату Индонезии. Японское правительство грамотно манипулировало антиколониальными настроениями жителей Архипелага, гарантируя «братьям-азиатам» скорейшее освобождение от голландцев. Японская пропаганда активно использовала новое прочтение пророчества Прабу Джойобойо, правителя яванского государства Кедири в XII веке. По преданиям он был знаменитым астрологом. Яванская традиция приписывает ему предсказание о приходе справедливого правителя — Рату Адила, который вернет «добрые старые времена», создаст справедливое и счастливое государство для всех, где будет править Херу Чакра — воплощение справедливого правителя²⁹. Он предсказал упадок и последующее возрождение государства. В соответствии с новой интерпретацией его пророчества, произойдёт это тогда, когда «маленькие желтокожие люди с Севера» прогонят белых правителей Явы³⁰. 10 января 1942 года морской и воздушный десанты японских войск начали операцию по захвату Индонезии. К середине февраля Япония полностью контролировала ситуацию. 9 марта 1942 года голландское командование приняло японское требование о капитуляции³¹. Японская оккупация оказала глобальное воздействие на общественную жизнь Индонезии и сознание рядовых граждан, ознаменовав начало конца голландского колониализма и повысив авторитет исламистов и консолидирующей роли ислама. Поскольку одним из пропагандистских лозунгов, обосновывавших японское вторжение на острова Архипелага, стал лозунг защиты Японией ислама, первыми шагами японцев стала поддержка мусульманских политических организаций Индонезии и расширение сферы их общественного влияния³².

Однако идеализация Японии населени-

ем Индонезии продолжалась недолго. Уже вскоре стало очевидным, что гнет старых колонизаторов сменился новым в лице оккупационных властей, которые, помимо экономического притеснения и эксплуатации природных ресурсов, окружили население системой доносов. Свирепствовала японская военная полиция, применявшая пытки и казни. Официальным языком вместо голландского был объявлен японский³³. При совершении молитвы теперь надлежало обращаться не в сторону Мекки, а на север, где находился дворец японского императора³⁴. Сукарно никогда не питал иллюзий относительно истинных целей японского милитаризма. Ещё в 30-е гг. он заявлял, характеризуя экспансионистские цели Японии: «Её название – «защитница поработённых народов Азии» - является ложью, лицемерием, пустым вымыслом реакционных националистов, которые думают, что именно Япония остановит империалистов Запада окриком «стой!» Нет, она не кричит «стой!», она сама стала алчным империалистическим хищником. Она сама превратилась в дьявола, угрожающего безопасности Китая, она сама, борясь с империалистическими хищниками Америки и Англии, угрожает спокойствию и безопасности стран Тихого океана, она сама является одним из хищников, которые примут участие в предстоящей войне на Тихом океане»³⁵.

В результате политики оккупационных властей чувство растерянности охватило оба противоборствующих лагеря – и исламистов и националистов. Эту ситуацию очень верно охарактеризовал известный американский индонезиевед Г.Бенда. Индонезийские политические партии не могли быстро сориентироваться и адаптироваться к новым условиям. Ситуация молниеносно поменялась. Голландский колониализм продемонстрировал крайнюю слабость, уступив Индонезию мощной азиатской военной машине. Политика квази-нейтралитета в отношении индонезийского ислама, проводимая Нидерландами в течение длительного периода, за несколько дней рассыпалась в прах, и её сменила агрессивная мощная японская армия³⁶.

Торжество милитаристской Японии было полным и само собой снимало вопрос о выборе между коллаборационизмом или сопротивлением оккупантам.

Исламисты, принявшие решение о сотрудничестве (так же, как и националисты), тем не менее пытались распространить на индонезийцев чувство уверенности в своих силах и превосходства. В глазах индонезийских

мусульман японцы оставались варварами-идолопоклонниками, но обладающими мощной вооруженной силой. И таким образом, мусульмане имели перед ними определенное моральное преимущество и могли позволить себе сотрудничать с ними, не подвергая унижению чувство собственного достоинства и сохраняя высокое чувство религиозной убежденности³⁷.

В марте 1943 года японская оккупационная администрация санкционировала формирование политических организаций. 8 марта была создана Путера (Центр народных сил) во главе с Сукарно. Осенью того же года оккупационные власти положительно отреагировали на создание Машуми (Консультативного совета мусульман Индонезии)³⁸. Основой поощрения лидеров светского националистического крыла и мусульманских сил Индонезии со стороны Японии стал классический принцип завоевателей – «разделяй и властвуй». Японии было выгодно внести раскол в национально-освободительное движение Индонезии, вбить клин в единство, оживив давние противоречия между светскими и религиозными националистами.

Следует отметить коренное отличие многовековой голландской колониальной политики от политики японских оккупантов. Голландская колониальная администрация придерживалась весьма толерантной религиозной политики, была эластична в вопросах веры. Голландцы, создав единую сеть железных дорог, обозначив голландский язык в качестве средства общения разобщённых этносов Архипелага, вольно или невольно, привели к интеграции индонезийцев. Политика Нидерландов, разделяя, объединяла, создавала фундамент для формирования будущей индонезийской нации. Последствия японской оккупации дали совершенно иные плоды. В индонезийскую политическую почву были брошены ростки глубинного процесса исламизации.

Политика японских оккупантов привела к рождению уникального для индонезийского менталитета явления. Она породила конфессиональную нетерпимость, нехарактерную ни для древнеяванской, ни для древнеиндонезийской культуры. Крайний шовинизм японцев, экстраполированный на сознание этносов Архипелага, сформировал нетерпимое отношение к мнению оппонентов и жесткую конкурентную борьбу между политическими партиями и объединениями. Как отмечает В.Ф.Сычев: «Произошедшие после 1945 года сепаратистские движения

под исламистскими лозунгами во многом были порождены японской политикой потворства чрезмерной политической активности мусульманской общины»³⁹.

Развитие ситуации на фронтах в ходе Второй мировой войны не в пользу Японии заставило японские оккупационные власти рассмотреть возможность предоставления независимости Индонезии. В сентябре 1944 года новый премьер-министр Японии Койсо обещал предоставить Индонезии независимость⁴⁰. Взамен Япония требовала поддержания своих военных усилий. Сукарно пошел на коллаборационизм с японской администрацией, понимая, что в результате он получает возможность почти легально консолидировать национальные силы и публично выступать перед массами.

Учитывая специфику индонезийского менталитета — особое отношение к коллаборационизму, популярность Сукарно за годы японской оккупации только выросла. Общественное мнение рассматривало его не как политика, сотрудничавшего с оккупантами, а как хитроумного национального лидера, усыпившего бдительность японцев, обманувшего их и создавшего условия для завоевания независимости⁴¹. Сам Сукарно всегда придерживался принципа — цель оправдывает средство. Целью была независимость, а средством, на этом этапе, — сотрудничество с Японией. Генерал Имамура так характеризовал Сукарно: «Он был человеком железной воли. Его мысли были полностью поглощены и сконцентрированы на достижении независимости. Он ни о чем другом не думал»⁴². По сути, Сукарно взял на себя роль коннектора между японцами и этносами Архипелага. Сукарно даже побывал на приеме у японского императора и был награжден орденом. Характеризуя ситуацию того времени, отвечая на обвинения оппонентов в коллаборационизме, Сукарно заявлял: «Мы посадили семена национализма. Пусть японцы их выращивают»⁴³.

В апреле 1945 года японская администрация создала Исследовательский комитет по подготовке независимости Индонезии в составе 63 членов. Руководящие функции принадлежали Сукарно и Хатте⁴⁴.

1 июня 1945 года на первом заседании комитета выступил Сукарно с концепцией Панча сила (пять принципов; санскрит), ставшей программой борьбы за независимость Индонезии и программой формирования и построения индонезийского общества после достижения независимости. Сукарно обозначил столпы национального единства, которые

стали базой для независимости Индонезии. Прежде всего он потребовал свободы, т.е. политической независимости, провозгласив принцип построения модели индонезийского общества — «всё для всех»⁴⁵, выступив против притязаний на лидерство какой-либо личности. «Разве мы хотим создать независимое ... государство, которое только будет называться Независимой Индонезией, а на деле будет служить возвеличению только одного человека?» — задавался вопросом Сукарно в интродукции своего знаменитого доклада «Рождение Панча силы»⁴⁶.

Далее Сукарно последовательно и доказательно обозначил пять принципов, которые легли в основу политической философии независимой Индонезии:

1. Индонезийский национализм.
2. Интернационализм, или гуманизм.
3. Дискуссия, или демократия.
4. Социальное благосостояние.
5. Цивилизованная вера в Бога⁴⁷.

Изначально Сукарно сформулировал первый принцип как «общеиндонезийский национализм», но, по настоянию М.Хатты, заменил формулировку на «единство Индонезии», поскольку японцы разделили территорию Архипелага на три оккупационные зоны, и территориальное единство необходимо было реанимировать и закрепить законодательно. Хатта также настаивал на изменении в иерархии принципов, требуя, чтобы принцип религиозности занял первое место, поскольку он является источником всех остальных⁴⁸.

Детализируя каждое положение своей концепции, Сукарно пояснял, что национализм понимается им как стремление к единству нации, которая является общностью характера, возникающей из общности исторической судьбы. Индонезия была национальным государством лишь во времена империй Шривиджайя и Маджапахит. Отсюда, по словам Сукарно, «индонезийский национализм — основа национального государства, а не шовинизм»⁴⁹. Далее он заявлял, что «мы должны стремиться к содружеству наций, т.е. к интернационализму ..., а он бесплоден, если в его основе не лежит национализм. Национализм бесплоден, если он не живет в лоне интернационализма. Оба эти принципа неразрывно связаны между собой»⁵⁰. Требуя осуществления демократических принципов в политической жизни общества, Сукарно делал акцент на достижении согласия между всеми слоями населения путем дискуссии и формирования единого решения, резюмиру-

ющего взгляды всех членов коллектива, т.е. настаивал на пути от мушаварах к муфакат. При этом Сукарно облакал будущую светскую модель государственности в религиозные формы, пытаясь снять напряжение и конфликт между светскими националистами и мусульманскими лидерами. Он заявлял: «Если большинство индонезийского народа действительно составляют мусульмане, если ислам действительно является той религией, которая горит в душе народа, то давайте ... поможем народу сделать так, чтобы как можно больше представителей мусульман оказались в представительном органе. Но пока это не так: «Поэтому важен принцип переговоров»⁵¹.

Сукарно постоянно апеллировал к исламу, учитывая приверженность к нему большинства населения страны. Он использовал мусульманскую риторику, обосновывая многие светские, националистические постулаты и принципы. Говоря о четвертом принципе своей концепции, он заявлял: «Я мусульманин, а поскольку я мусульманин – я демократ; я хочу согласия, я хочу, чтобы каждый глава государства избирался»⁵². Здесь Сукарно созвучен со многими исламскими ортодоксами, уверяющими, что ислам дает человечеству главный урок демократии, заложенной в самой сути исламской религии ещё во времена пророка Мухаммеда.

Особого обоснования, учитывая полиэтничный, поликонфессиональный характер гетерогенного индонезийского общества, заслуживал пятый принцип Панча сила – принцип религиозности. Сукарно, будучи убежденным сторонником светского государства, выступал за секулярную модель общественного развития, которая обеспечивала бы равенство и единство всех конфессий, веротерпимость и свободу слова⁵³. В своем докладе он заявлял: «Желательно, чтобы Индонезийское государство было таким государством, где каждый человек сможет беспрепятственно поклоняться своему Богу. Необходимо, чтобы весь народ верил в Бога цивилизованно, т.е. без «религиозного эгоизма»⁵⁴.

И как бы опасаясь своего секуляризма, Сукарно тут же делает реверанс исламистам и исламскому большинству. Он решительно восклицает: «Необходимо, чтобы индонезийское государство было религиозным!... Что означает цивилизованно? Это означает взаимное уважение»⁵⁵. В конце речи Сукарно, апеллируя к сознанию мархаэнов, заявил, что все вышеперечисленные принципы можно свести к одному, который являлся во все

времена фундаментальным для яванцев и других этносов Архипелага – «gotong-rojong» - принципу взаимной помощи, на основании которого и будет создано прочное и нерушимое индонезийское государство – государство «взаимной помощи»⁵⁶.

В целом философия Панча сила носила эластичный характер. Сукарно максимально постарался сгладить все противоречия и острые углы. Её аморфность была не её пороком, а её достоинством. Заслуга Сукарно состояла в том, что он не стал заложником идеологических форм, которые неизбежно отправляли полиэтничное и поликонфессиональное индонезийское общество в прокрустово ложе рамок и ограничений жесткого единого подхода, не подразумевающего поливариантности развития. С одной стороны, Панча сила предоставляла гражданам известную свободу, а власть выступала в роли интерпретатора этой идеологии в зависимости от конкретного этапа развития⁵⁷.

Японская оккупация оказала значительное влияние на политизацию ислама на Архипелаге. Затухшее в 30-е гг. движение исламистов снова набрало вес и оказывало значительное влияние на политическую жизнь Индонезии. На заседании комитета по подготовке независимости 22 июня 1945 года исламисты настояли на внесении в проект Конституции Индонезии дополнения – формулы из семи слов – в раздел принципа Панча сила, говорящего о религиозности: «Все последователи ислама обязаны строго соблюдать законы шариата»⁵⁸. Мусульманские политические организации настаивали на принятии так называемой Джакартской хартии, представляющей собой проект Конституции, состоящий из принципов Панча сила и дополненной фразой из семи слов.

В развернувшейся дискуссии столкнулись интересы двух крупных политических сил страны – сторонников построения теократического государства и националистов, стремящихся к тому, чтобы вопросы религии были отделены от государства. Спецификой индонезийских националистов была их нейтральность в вопросе относительно религиозных амбиций исламистов. Изначально они видели Индонезию как государство, базирующееся на принципе веры в единого Бога. Другими словами, финалом их борьбы вовсе не было секулярное политическое устройство. Основой государственности Индонезии, по их мнению, являются Божественные идеи разных культур и этносов. Единая Божественная идея рассматривалась как цементирующий

раствор полиэтнической и поликонфессиональной государственности политического здания Архипелага⁵⁹.

По мысли националистов и исламистов, политическая архитектура Индонезии строилась на основе принципа веры в Бога. Вторым вопросом дискуссии был вопрос о том, какая эта будет вера и в какого Бога. Таким образом, индонезийские националисты, при всем восторге и преклонении Сукарно перед кемалистским экспериментом в Турции, не были секуляристами. В результате развернувшейся дискуссии в ходе подготовки проекта конституции независимой Индонезии была принята компромиссная формулировка, и принцип Панча сила о религиозности получил следующую редакцию: «Основой является вера в Единого и Всемогущего Бога и все верующие мусульмане обязаны строго исполнять предписания шариата». Проект вошел в историю как Джакартская хартия, в которой декларировалось, что главой государства может быть только мусульманин⁶⁰.

Попыткой примирения полюсов мировоззрения националистов и исламистов стала интегралистская концепция Супомо, которая снимала напряжение с принципа религиозности, перенося сакральную благодать на лидера, воплощающего в себе весь народ. Он полагал, что политическая система гитлеровской Германии близка восточному менталитету, поскольку базируется на единстве вождя и народных масс. Также индонезийцам импонирует японская политическая философия, в центре которой — единство императора и народа. Супомо заявлял: «Не существует противоречий между государством и личностью, между административным аппаратом и положением индивидуумов. Нет необходимости гарантировать права и свободы гражданина..., поскольку индивид является составной частью государства и имеет право и обязан содействовать его процветанию»⁶¹. Теория Супомо стала фундаментом политической системы Индонезии после 1945 года, кто бы ни стоял у руля индонезийской государственной машины.

17 августа 1945 г. Сукарно в Джакарте зачитал Декларацию независимости. Характерно, что подготовка к этому событию велась в доме японского вице-адмирала Маэда⁶². Видимо, японцы обозначили свой нейтралитет, делая прагматичный выбор в сторону будущего союзника в лице независимой Индонезии.

18 августа 1945 г. была принята Конституция Республики Индонезия, из которой была изъята формулировка из семи слов и

положение об исповедовании ислама главой государства⁶³. Это была победа Сукарно, основной целью политической деятельности которого были независимость и единство на пути процесса нациестроительства. Сукарно раздал авансы всем противоборствующим силам в стране. Текст Конституции эклектичен и сознательно смешивает различные подходы. Так, в тексте содержатся слова и «Аллах», и просто безличное, внеконфессиональное «Бог».

В преамбуле документа сказано: «С благословения всемогущего Аллаха и движимый возвышенным желанием жить в семье свободных наций, индонезийский народ настоящим провозглашает свою независимость», и далее... суверенитет народа «... основывается на вере в единого Бога»⁶⁴.

Все формулировки Конституции 18 августа пропитаны дуализмом. Это одновременно меседж и мусульманам, и верующим других конфессий-монотеистам и анимистам. Это попытка, объяв необъятное, консолидировать все силы в борьбе против метрополии. Присяга президента, при снятии пункта о его обязательном вероисповедании ислама, тем не менее начинается со слов: «Клянусь Аллахом...»⁶⁵. Отражением не только политического прагматизма Сукарно, но и его толерантного отношения к религии, воспитанного с детства отцом-мусульманином и матерью-индуисткой, стала статья 29 Раздела XI Конституции: «Государство основывается на вере в единого Бога. Государство гарантирует каждому свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов в соответствие с его религиозными убеждениями»⁶⁶. Конституция закладывала базу для дальнейшего авторитарного лидерства Сукарно, наделяя президента чрезвычайно широкими полномочиями. Он являлся и главой государства и председателем правительства. Был неподотчетен парламенту и обладал правом единоличного назначения министров⁶⁷.

Осуществив в июне 1945 г. реверанс исламистам, Сукарно уже в августе одержал реванш, сняв доминанту с принципа религиозности вообще и исламской тем более. Ему было абсолютно понятно, что создание в Индонезии исламского государства привело бы к расколу в социуме и ускорило бы центробежные силы. Нетерпимость любого толка оказалась бы губительной для этносов Архипелага и парализовала бы все центростремительные тенденции. Спустя годы, в январе 1953 г. в ходе поездки по Калимантану Сукарно, последовательно отстаивая свою позицию, заяв-

лял: «Создание исламского государства приведёт к тому, что от нас отпадут территории с большинством немусульманского населения – Молукки, Бали, Тимор и др.»⁶⁸. В ответ национал-консерваторы обвинили его в неконституционных и недемократических шагах. В 1954 г., находясь на Молуккских островах, президент вновь призывал к единству всех этносов, независимо от их вероисповедания. Против выступили лидеры Машуми⁶⁹.

Основой деятельности Сукарно-политика была опора на фундаментальные ценности политической культуры Индонезии – традиционное символическое сознание и патриархальные устои, замешанные на мистицизме и мессианских ожиданиях Рату Адиля. Мистика сопровождает многие политические шаги индонезийского лидера. В своей речи «Рождение Панча сила» он говорил: «Я изложил основные принципы государства. Их пять. Является ли это Панча Дхарма? Нет. Не подходит. Дхарма означает обязанность, а мы говорим об основах. Мне нравятся символы, обозначающие числа. Имеется пять заповедей Ислама. У нас по пять пальцев на каждой руке. Имеются пять органов чувств. Что ещё состоит из пяти частей? (Голос из зала: «Пять героев из древнейших сказаний»). Их было пятеро. Теперь посмотрим количество принципов ... Их тоже пять ... Я назову всё это Панча сила. «Сила» означает принцип или основу»⁷⁰.

Выбор даты для объявления независимости также связан с мистическим обоснованием. 17 августа было пятницей – священным днём в исламе, семнадцатого – мусульманам был ниспослан Коран, согласно заповедям Пророка, мусульмане должны вершить религиозные действия семнадцать раз в день⁷¹.

Магия чисел, столь любимая Сукарно и глубоко укоренившаяся в менталитете жителей Архипелага, отразилась и в государственном гербе независимой республики. Птица Гаруда, изображенная на нем, имеет 17 перьев в каждом крыле, восемь перьев в хвосте (август – восьмой месяц года), и сорок пять перьев на лапах и нижней части туловища (1945 г.). Сама Гаруда была мифическим существом, царём птиц, наполовину человеком, наполовину птицей. Создание образа Гаруды относится к индийскому средневековью⁷². В качестве девиза на гербе были начертаны слова из религиозной поэмы XIV в. «Сутасома» - «Bhinneka Tunggal Ika» - поэта и общественного деятеля Мпу Тантулара. В поэме он изложил доктрину примирения буддистов и индуистов, являвшимися основным

населением острова в те времена. Ислам стал господствовать на Яве спустя несколько столетий. Один из вариантов полной строфы таков: «Хоть Шива и Будда и различны, но по сущности своей они едины». На гербе Индонезии, по настоянию Сукарно, была помещена только часть поэтической строки, которая переводится, как «Единство в многообразии» или «Различные, но единые»⁷³, что отражало специфику уже мусульманской Индонезии середины XX в. и позволяло апеллировать к великому средневековому прошлому страны.

В целом следует отметить, что после принятия Конституции и Джакартской хартии усилия Сукарно по консолидации общества создали специфичную и во многом уникальную политическую систему и ситуацию в молодом независимом государстве. Индонезия стала своеобразным политическим гермафродитом, она не является теократическим государством, но и не носит характер секуляристской государственности. Оценивая эту ситуацию, известный исследователь – индонезиевед Дж. Боланд отмечал: «Родившаяся ... Индонезия не является исламистским государством, чего бы желали сторонники ортодоксальных взглядов, но она и не является светским ... государством, которое рассматривает религию ... как частное дело гражданина... Избран какой-то средний путь развития, когда государство расценивает религию как важный элемент собственного совершенствования и укрепления духовности ... всего социума, что и выражается в основополагающем принципе Панча Сила – «Вера в Единого и Всемогущего Бога»⁷⁴.

Итак, теоретический фундамент под здание индонезийской государственности был подведен. Следующим шагом стала борьба за его претворение на практике, реальная борьба за независимость молодой республики. Как покажет время, консолидирующим фактором лидерства Сукарно стала борьба с внешним врагом. Эта была почва, идеальная для реализации лидерских амбиций индонезийского президента. Он поэтапно реализовал их сначала в ходе отражения англо-голландской интервенции в 1945-1949 гг., борьбы за включение в состав Индонезии Западного Ириана, войны против Малайзии.

24 августа 1945 г. было подписано англо-голландское соглашение, по которому управление освобожденными от японской оккупации территориями должна была осуществлять голландская администрация Нидерландской Индии. 29 сентября в Джакарте высадились английские войска, 4 октября

прибыл голландский генерал-губернатор⁷⁵. Именно в ходе антиколониальной борьбы в 1945-1949 гг. сформировалась специфика индонезийской армии, которая оказала значительное воздействие на всю новейшую индонезийскую историю и на создание политической системы страны.

Агрессия Голландии к 1949 г. приобрела характер агонии и всё менее находила поддержку или хотя бы лояльность на международной арене. К этому периоду Индонезия стала территорией политических амбиций и интересов двух великих держав – СССР и США, которые стремились вовлечь её в орбиту своего влияния. СБ ООН 28 января 1949 г. потребовал прекращения огня и создания до 15 марта временного правительства и передачи ему суверенитета над Индонезией до 1 января 1950 г.⁷⁶ 16 августа 1950 г. было провозглашено создание унитарной республики Индонезии и утвержден временный проект Конституции, которая сильно отличалась от Конституции 1945 г. Это была Конституция парламентской демократии, которая установила ответственность исполнительной власти перед законодательной.

Прерогативой президента являлся лишь подбор кандидата на пост премьер-министра и поручение ему сформировать правительство. Состав кабинета министров утверждался парламентом. Широко и детально трактовались гражданские права и свободы⁷⁷. Конституция 1950 года стала скорее популистским маневром с целью завоевания авторитета на международной арене. Архаично-патриархальное сознание индонезийцев не нуждалось в постулируемых демократических свободах и правах, целиком и полностью будучи погруженным в патронажно-клиентельные отношения. Именно на это и была рассчитана «религиозно-синкретическая подкладка»⁷⁸ идеологии Сукарно.

Политика метрополии зачастую была направлена на консервацию наиболее архаичных элементов традиционных социумов. Период голландского колониального господства в Индонезии создал весьма неблагоприятные условия для формирования и развития местной национальной буржуазии. В результате в авангарде национально-освободительной борьбы встали интеллигенция и мелкие буржуа. Основой борьбы стал синтез радикального национализма, антиколониализма и ренессанс самоидентичности и традиционализма. Заветной стратегической целью было единство, а основой единства – личность лидера. Отсюда и главный постулат Сукарно:

«Главное в нашей демократии – это руководство»⁷⁹. «Я знаю психологию масс, - заявлял Сукарно - ...В Индонезии лидер должен воплощать власть в своем лице, от него должно исходить дыхание власти. Это обязательное условие для бывшей угнетенной нации»⁸⁰. Сукарно и его сторонники должны были в короткий срок преодолеть комплекс неполноценности, сложившийся в колониальный период и у элиты индонезийского общества, и у простых мархаэнов. Соратник Сукарно Али Сastroамиджойо заявлял: «В Индонезии нужно бороться против «туземного образа мышления» в умах людей и заменить его чувством принадлежности к индонезийской нации. Кроме того, в колониальный период наш народ никогда не был вовлечен в экономический процесс иначе как в качестве дешевой рабочей силы»⁸¹.

В условиях господства патриархального сознания сформировалась характерная черта политической культуры Индонезии того периода. Парламентская демократия воспринималась партиями постольку, поскольку она создавала им предпосылки к достижению намеченных целей. Во всех иных случаях демократические ценности объявлялись не соответствующими национальной самобытности. Социальные идеалы молодой республики не вписывались в рамки парламентской демократии, зато идеально укладывались в концепцию Панча сила и Конституцию 1945 г. Векторы подчиняющего лидерства совпадали с подчиненным власти массовым сознанием, в котором преклонение перед вождями, султанами, раджами формировалось веками. Как верно сформулировал А.Ю.Другов: «Авторитарное сознание тиражируется на уровне не только правителей, но и подданных и то, что на поверхности выступает как недовольство авторитарной системой, часто, в сущности, означает лишь неудовлетворенность своим местом в этой системе»⁸².

Парламентская демократия являлась абсолютно чужеродным явлением для индонезийского менталитета. Яванская политическая культура базировалась на компромиссе и уважении оппонента. Парламентская борьба фракций и партии входила с этим положением в глубокое противоречие, делала возможным публичную критику человека, акцентировав внимание на его недостатках. Это было неприемлемо для яванского менталитета. Все это вело к дискредитации в обществе системы представительной демократии.

Немало «усилий» для дискредитации политической системы Индонезии в первой

половине 50-х гг. XX в. было приложено и самим Сукарно, увлекшимся формированием имиджа страны за рубежом и пребывавшим в длительных заграничных вояжах. За теоретическими концепциями в области политики был совершенно упущен экономический блок. Сукарно позволял себе этим даже бравоировать. Он с гордостью заявлял: «Я не экономист и не специалист в области торговли, я революционный экономист»⁸³. В результате в обществе нарастали серьёзные противоречия. Давние разногласия между Явой и другими островами Архипелага в этот период обострились. Истоками проблемы были различия между традиционным этатизмом экономически слабой буржуазией Явы и ориентацией на свободное предпринимательство более развитых в промышленном отношении Внешних островов⁸⁴. Поощрение ускоренного темпа роста национальной буржуазии вело к росту коррупции. В 1950-1954 гг. около 44% парламентариев имело собственный бизнес⁸⁵.

В середине 50-х гг., по мнению исследователя Г.Фита, в Индонезии сформировались два типа политических лидеров.

1. Администраторы: прагматично настроенные политики, нацеленные на преодоление противоречий, на экономическую стабилизацию, готовые к использованию иностранных инвестиций, не склонные к догматизму.

2. Солидаристы: идеализировавшие индонезийскую самоидентичность, резко критиковавшие западный индивидуализм и общество потребления. К ним и принадлежал Сукарно⁸⁶.

Критика капитализма солидаристами имела успех у простых индонезийцев. У населения Архипелага существовала устойчивая ассоциация колониализма и капитализма как экономического способа производства, присутствующего угнетателям-колонизаторам. Яванская патриархальная культура видела в лице Сукарно мессию, прокладывавшего «золотой мост» к эпохе процветания и построения общества «всех для всех». Негициантство никогда не поощрялось массовым сознанием в Индонезии, поскольку торговлей и бизнесом занимались преимущественно иностранцы – арабы, китайцы, голландцы, т.е. «чужие», «они». Индонезийские лидеры, по словам американского ученого Дж.Кейка, «не имели капиталистических корней»⁸⁷. Все это приводило к популярности социалистических идей, выразившихся позднее в концепции «индонезийского социализма» Сукарно.

К середине 50-х гг. нарастающие про-

тиворечия и экономические проблемы окончательно подготовили общественное мнение к отказу от пути парламентской демократии. Ведь если основой политической системы был её вождь, он и должен указывать направление её развития. Индонезия подошла к смене курса парламентской демократии на демократию направляемую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams, N-Y, 1965. P.188.
2. Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964. С.140.
3. Симония Н.Ф. Индонезия. М., 1978. С.8.
4. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», Спб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
5. Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980. С.8.
6. Там же. С.10.
7. Там же. С.20-23.
8. Adams C. Bung Karno penjabung Lidah rakjat Indonesia. Djakarta, 1965. P.58.
9. Ibid p.54.
10. Капица М.С., Малетин Н.П. Цит. соч. С.32.
11. Цыганов В.А. Национально-революционные партии Индонезии (1927-1942). М., 1969. С.49.
12. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии XX век. М., 2005. С.101.
13. Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии (1917-1942). М., 1978. С.247-248.
14. Там же.
15. Беленький А.Б. Роль традиционных элементов массового сознания в идеологии светских националистов (на примере Индонезии) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. С.135.
16. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.122-123.
17. Там же. С.103-117, 198-200.
18. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.105.
19. Там же. С.106.
20. Цыганов В.А. Сукарно: Творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно: политик и личность, отв. редакторы Другов А.Ю., Пахомова Л.Ф. М., 2001. С.35.
21. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.106-107.
22. Беленький А.Б. Цит. соч. С.136.
23. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.63.
24. Ibid p.265.
25. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.35.
26. Малетин Н.П. Сукарно – руководитель внешней политики Республики Индонезия // Сукарно: политик и личность. М., 2001. С.189.
27. Ионова А.И. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60-70 гг.) // Народы Азии и Африки. №2, 1974. С.41.
28. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy

- Adams. N-Y, 1965. P.81.
29. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.66.
30. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С. 120-121.
31. Демин Л.М. Японская оккупация Индонезии (1942-1945). М., 1963. С.73-79.
32. Сычев В.Ф. Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2003. С. 221-225.
33. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.127.
34. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», Спб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
35. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.30.
36. Benda Harry J. The Crescent and the Rising Sun, Indonesian Islam under the Japanese occupation 1942-1945, The Hague, Bandung 1958. P.111.
37. Сычев В.Ф. Цит. соч. С.227.
38. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.129.
39. Сычев В.Ф. Цит.соч. С. 250.
40. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.130.
41. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965). М., 1970. С.69.
42. Dahm B. Sukarno & the struggle for Indonesian independence (West) Berlin, 1969. P.233.
43. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», Спб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
44. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.133.
45. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.259.
46. Там же.
47. Там же. С.269.
48. Цыганов В.А. Сукарно: творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно: политик и личность. Отв. редакторы Другов А.Ю., Пахомова Л.Ф. М., 2001. С.63
49. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей М., 1956. С.263.
50. Там же. С. 265.
51. Там же. С. 266.
52. Там же. С. 269.
53. Там же. С. 266-271.
54. Там же. С. 269.
55. Там же.
56. Там же. С. 270.
57. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.38.
58. Цит. по Сычев В.Ф. Цит. соч. С.251.
59. Там же. С.251-252.
60. Ефимова Л.М. Основные этапы борьбы мусульманских партий и организаций за исламизацию индонезийского государства // Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971. С.154-159.
61. Indonesian political thinking (1945-1965), Feith H. & Castles L. (Eds), Ithaca, London, 1970. P.189-191.
62. Dahm B. History of Indonesia in the 20 th Century, L, 1971. P.112/
63. Сычев В.Ф. Цит. соч. С.253.
64. Конституция Индонезии 18 августа 1945 г. // Конституции государств Юго-восточной Азии и Тихого океана. М., 1960. С.153.
65. Там же. С.155.
66. Там же. С.160.
67. Там же. С.155-156.
68. Indonesian political thinking (1945-1965), Feith H. & Castles L. (Eds), Ithaca, London, 1970. P.164.
69. J.M. van der Kroef. Indonesia in the modern world, p. II, Bandung, 1956. P.221-222.
70. Доклад Сукарно в Комиссии по подготовке независимости 01.06.1945. Рождение Панча сила // Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.270.
71. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.209.
72. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.299-300.
73. <http://polusharie.com/index.php?topic=325,25,msg=299123>
74. Boland J. The Struggle of Islam in Indonesia 1945-1970, Jakarta, 1985. P.40-41.
75. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.144.
76. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965) М., 1970. С.146.
77. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.164.
78. Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987. С.9.
79. Цит. по Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980. С.139.
80. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.81.
81. Цит. по Другов А.Ю. Сукарно как политический лидер // Сукарно: политик и личность. М., 2001. С.50.
82. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.48.
83. Капица М.С., Малетин Н.П. Цит. соч. С.194.
84. Андреев Г.А. Индонезийское государство. Проблема единства и автономии. М., 1974. С.75-76.
85. "Bulletin Indonesian Economic studies, Canberra, 1956. №11. P.17.
86. Feith H. The decline of constitutional democracy in Indonesia. N-Y, 1962. P.33-35.
87. Kahin G. Nationalism & Revolution in Indonesia. N-Y, 1955. P.476.

S. Voronin

SUKARNO. AN EAGLE SOARING IN LONELINESS

Abstract. Idealisation of patriarchal foundations, syncretism sights, utopianism, sensation messianic predestination, state personification in the person of the leader – here pillars of political leadership of Sukarno under the direction of which Indonesia became the independent state.

Key words: Sukarno, Tantular, the Indonesian socialism, space energy, Ratu Adil.